

ШИННЫ

Алла Кторова

Судьба

В СВОЕ ВРЕМЯ я писала о своих встречах с исполнительницей цыганских песен и романсов Верой Толстой. Среди девушек из состоятельных (большая часть) семей в России были юные талантливые существа, подпавшие под обаяние цыганского искусства. Современники помнили Ольгу Вадину, Нину Красавину, Марину Черкасову, одеситку Изу Крамер и другие имена, пленявшие россиян. Одной из таких русско-цыганских певиц была и Маруся Сава (Мария Ивановна Савицкая), творившая в эмиграции. На Западе, и особенно в Америке, ее очень хорошо знали и ценили.

Маруся Сава родилась и выросла во Владивостоке начала века в интеллигентской семье, получила хорошее воспитание и образование. После революции она разделила жизнь беженцев. В Китае, в 28-м году, умер муж Маруси, крупный врач, и ее, по логике событий, должны были ожидать в будущем лишь горести и скитания, ибо у нее не было ни профессии, ни специальности. Существовать было не на что...

Но в Книге судеб жизнь Маруси была вычерчена по другим параметрам: с детства небесами ей были даны огромный музыкальный талант, прекрасный голос и великая способность покорять слушающих волшебным пением. Марусю Савицкую приняли в знаменитый на весь мир хор Агреневой-Славянской, который собирался на гастроли в Соединенные Штаты. А в Америке успех пришел сразу к молодой певице, да вдобавок и писаной красавице: чистый, как бы хрустальный голос, длинные, почти до колен каштановые косы, темно-синие, цвета драгоценного сапфира, глаза... Когда певица с бубном исполняла цыганские пляски, зал неистовствовал от восторга.

О Марусе Сава в свое время была написана масса похвальных критических отзывов, а теперь ею как бы по специальным сплетениям нитей судьбы занимается талантливая журналистка и театровед, моя близкая подруга по ГИТИСу в Москве Людмила Кафанова. Людмила приехала в Нью-Йорк в 70-х гг. из Москвы и буквально через несколько дней после прибытия встретила Марусю Сава на Толстовской ферме, где муж Людмилы, Роман Романов, в прошлом артист московского цыганского театра «Ромэн»,

он с его пением в подметки не годится Варе Паниной, царице цыганского пения, с которой не мог сравниться никто, а вот Настю Полякову, признанную всеми «второй после Варе Паниной», настоящие знатоки пения кочевых племен называли «Шалаяпина в юбке».

Замечательная, несравненная, легендарная Настя, как называли ее в России, была из знаменитой семьи Поляковых — цыган-аристократов. Таких было до революции немало — и семьи Шишкиных, Лебедевых, Егоровых, Соколовых, известные всем «цыгановедам» России. Члены этих семей считали себя приближенными к «высшему обществу» и, действительно, тесно общались с артистами, композиторами, музыкантами, военной знатью.

В Москве, у Яра, семья Поляковых держала свой хор. Свой, «семейный» хор, как почти всегда у именитых цыган, хор, куда входили отец, мать, взрослые дети, братья, дядя, их жены и т.д. Здесь царил строгий порядок, непрерываемые традиции, высокая нравственность: никакого амико-

улице». И хотя два этих номера считались сравнительно легкими для исполнения, гениальная Настя Поляковой, особенный колорит ее пения и душевная интонация были настолько мощны, что зал безумствовал.

«Как Настя пела, этого нельзя передать словами, — вспоминает Маруся Сава. — Ведь она была уже очень пожилой. Старая, полная женщина... Но когда она начинала петь, то рождала такой волшебный мир, что слушающие забывали обо всем на свете...»

Глубокие, настоящие ценители цыганского пения писали, что секрет гения Насти Поляковой, ее необыкновенная власть над зрителями коренились в ее скрытой духовной гениальности, особой фатальной эмоциональности и неразгаданной еще силе, присущей только особым представителям этого особенного народа.

Необходимо отметить, что хотя Настя Полякова бредила души всех, начиная с малограмотной публики и кончая представителями знати, однако в то же время богатые посетители ресторанов

этому объявлению. Хозяйка открыла дверь.

— Настенька, что вы здесь делаете? — испуганно спросила она, обомлев, так как хорошо знала певицу по выступлениям и боготворила ее.

— Я пришла наниматься в прислуги, — ответила Настя.

Хозяйка взяла ее.

А через некоторое время в дверь опять позвонили. На этот раз дверь отворила «домработница» и увидела молодого человека лет двадцати пяти с букетом роз и коробкой шоколада.

— Я хочу видеть Настю Полякову, — сказал он.

— Это я, — тихо ответила певица.

Молодой человек оказался господином Карлом Фишером из Чикаго.

Маруся Сава рассказывает: «Был слой людей, на которых держалась жизнь и, более того, какое-то благополучие русского общества в Америке. Это были российские евреи, жители Москвы и Петербурга, бежавшие от революции и гражданской войны и, как все прочие россияне, покинувшие страну. Именно об этой группе людей писал другу в Москву из Нью-Йорка Сергей Есенин, когда был там с Айседорой Дункан.

«По-видимому, евреи самые лучшие ценители русского искусства, — писал поэт, — те из них, кто был состоятельным, любили русское искусство не только «платонически», но и поддерживали его материально».

Одним из таких «спонсоров» (выражаясь языком сегодняшнего дня) и был Карл Фишер. Он жил в Чикаго, пленился пением Насти по грамзаписи, стал усиленно искать и наконец нашел актрису в Нью-Йорке. Россиянин по происхождению Карл Фишер не оставлял Настю Полякову своим вниманием и глубочайшим почитанием до конца ее жизни в Америке, но, к сожалению, этот бескорыстный, преданный друг, готовый отдать ей все, что было в его силах, разыскал певицу слишком поздно.

Настя Полякова заболевает тяжелым воспалением почек. Стали устраивать вечера в ее пользу, собирать средства, чтобы помочь. Маруся Сава, всегда первая бросавшаяся на помощь тем, кому было хуже, чем ей, распространяла, где только могла, билеты на благотворительные концерты в пользу выдающейся певицы. А Настя лежала в своей бедной квартире одна и изредка звонила Марусе. Состояние ее было тяжелым. Маруся приходила, помогала, чем могла, но певице становилось

Маруся Сава.

С РУССИЕЙ НА ПОДОШВАХ

Жизнь и смерть цыганских певиц в Америке

пел для дочери Толстого, Александры Львовны, кончавшей свой жизненный путь, старинные романсы, любимые в Ясной Поляне. В одном из своих эссе, посвященных творческой биографии Маруси Сава, Людмила Кафанова со слов артистки пишет: «Когда мы приехали в Чикаго, меня сразу же пригласили в русский ночной клуб «Петрушка». Какие тогда там собирались люди! В основном артисты Московского Художественного театра, решившие после гастролей в США не возвращаться в Советский Союз. Хмара, Аким Тамиров, Инна Мираева, — певица и композитор. Все мои коллеги помогали мне делать первые шаги на профессиональной сцене. Все они были еще и прекрасные, отзывчивые люди. А потом был Нью-Йорк. Русская жизнь здесь была ключом. Ночные клубы «Тройка», «Корчма», «Казино Рюс», которое помещалось в центре города, где до сих пор действует ресторан «Раши ти Рум» («Русская чайная») около знаменитого концертного зала Карнеги Холл. Публика во всех этих клубах была сама изысканная. Буржуазия и помещики, как их называли тогда в Совдепии, было что почитать и о чем тосковать. Они, по выражению Романа Гуля, «унесли Россию на подошвах», у них была ностальгия по оставленной родной русской жизни, их тянуло туда, где звучала русская речь и пелись русские песни, цыганские романсы, бередившие душу и будившие самые дорогие воспоминания.

Судьба преподнесла мне необыкновенный подарок. О чем же здесь идет речь? Прежде всего, конечно, о знакомстве с Марусей Сава. А затем — о той информации, и даже более чем информации, о кланде, который мне передала Маруся Сава о жизни и кончине в Америке королевы цыганского пения, второй после Варе Паниной звезде концертной сцены в России Насти Поляковой.

Вера Ильинична Толстая, рассказавшая мне о ней, рассталась с Настей до войны, после того как знаменитая цыганская певица вместе с мужем покинула Париж и уехала в Америку. После этого следы ее в памяти Веры Ильиничны теряются. Верочка знала только одно: Настя Полякова пела в нью-йоркском ресторане «Корчма», но вскоре умерла. И сколько я ни пыталась разыскать тех, кто любил и помнил Настю Полякову, в памяти которых сохранилось хотя бы место, где она похоронена, мне это не удавалось.

Но вот на моем пути — Маруся Сава, и первое, что я от нее узнала, — это то, что перед войной она недолгое время была коллегой знаменитой Насти Поляковой.

Уже упоминалось о том, что величайший Шалаяпин говорил, что

шонства со зрителями, с гостями, никаких вольных отношений, не говоря уж о фамильярности. Если кто-нибудь из посетителей ресторана приглашал молоденькую цыганку в «отдельный кабинет», то с нею шли мать, сестра или гитарист. Доброе имя хора поддерживало чистоту и честь всего рода.

Когда в Россию в 1917 г. свалилось ужасное горе, которое мой дед, московский извозчик, называл «кроволюция», многие цыгане ушли из страны. Кто именно из семьи Поляковых покинул родину, в точности неизвестно, но Вера Ильинична Толстая рассказывала мне, что в Париже Насте Поляковой аккомпанировал на гитаре брат «Митька». В России такие семьи, как Поляковы, были очень богатыми, жили в самых дорогих домах и квартирах, роскошно одевались, дети их учились в гимназиях и университетах: огромные денежные подарки и драгоценности, которыми осыпали талантливых певцов, певиц и танцоров кочевых народов российских «толстосумы», делали свое дело. Но в эмиграции наступила бедность. И хотя в ресторан «Голубой мотылек» («Бле папийон»), где певица выступала, приезжали всем известные богатейшие люди мира, все-таки это было место в основном для русских эмигрантов и «награда» артистам от публики ограничивалась бутылкой вина, коробкой конфет или несколькими франками, что было сущим пустяком.

Однако настоящее несчастье, и не только для России, но и для всего мира произошло, когда разразилась катастрофа почти революции, катастрофа, предвещавшая конец света, — Гитлер начал победное шествие по европейским странам.

Насте и ее мужу надо было что-то срочно предпринимать. Илья, Настин муж, был евреем, и им пришлось бежать в Соединенные Штаты. Не успели они кое-как устроиться в Нью-Йорке, где Настя поступила петь в ресторан «Корчма», как на артистку свалилась другая, личная трагедия. Илья был ювелиром, наколол на работе палец, и это оказалось фатальным. Последовало заражение крови, а за ним — смерть. Настя осталась одна, без поддержки, сочувствия, участия, почти нищая... Не будем думать и гадать, сколько раз ей в эти времена вспоминались слова романса «Нищая» (песни Беранже), исполняемые Настей когда-то под гром аплодисментов в далекой Москве.

О конце жизни великой певицы Насти Поляковой писать очень тяжело. Ей стало непереносимо жить на белом свете не только потому, что она потеряла мужа, которого горячо любила, — певица старела, слабела, теряла силы. Ей было уже за семьдесят. Петь, как прежде, Настя Полякова больше не могла, в ресторане «Корчма» она уже не пела романсы за романсом весь вечер, а была в силах позволить себе исполнить только две вещи — «Меня ты вовсе не любила» и «Вдоль да по

тянулись к более им близким, нетушительным развлечениям, не слишком отягощающим и без того клокотавшую жизнь. Самых разных социальных уровней зрители валялись в рестораны, казино и клубы, чтобы полюбоваться красивым молодым лицом Маруси Сава и ее юных коллег с их идеальными фигурами, звонкими голосами и зажигательными песнями и плясками. Маруся Сава вспоминала:

«На фоне молодежи Настя выделялась как бы «инородным» телом, какой-то чрезвычайно дорогой, но «антикварной» фигурой... А кроме того, она была измучена тяжкими физическими переживаниями последних лет. Помню, перед самым выходом на эстраду она почти всегда говорила: «Сил нет...» Она и я чередовались, как примадонны, ей, конечно, было это очень неприятно. Слава ее тихо угасала, и доходило до того, что ее знакомые приглашали петь к своему столу, меня, но не ее, а она сидела в стороне и страдала. Гордая была Настя и молчаливая, но ведь все было понятно. Однажды я слышала, как она сказала с неудовольствием и сарказмом: «И за это платят деньги!» — услышав чье-то пение, может быть, даже мое... Но я ведь была тогда так молода, так хороша... Мне поклонялись, меня горячо любили, и чувство зависти мне было совершенно неизвестно».

А Настина жизнь шла под уклон. 50-летний юбилей ее справили в 1941 г. в Нью-Йорке, а жила она очень бедно, беднее даже, чем в Париже. Маруся говорила, что знаменитая певица носила всегда одно и то же платье (даже на юбилее своем в нем была) за неимением денег на другое, а для прославленной артистки выступать в одном и том же туалете нигде не полагается. Красота ее исчезла, волос на голове почти не осталось, и певица носила тугую шапочку из полупарчи. Маруся в то время была ведущей в Роял Театре, где работала большая группа профессионалов. Насте предложили там как-то подготовить несколько цыганских романсов и организовать хор, но она категорически отказалась. «Нет, — твердо сказала она, — это все умрет со мной». Да и как она, знавшая лучшие цыганские московские и петербургские хоры, где исполнение было шедевром мирового искусства, могла ответить иначе? Необдуманное, легкомысленное предложение создать цыганский хор в эмиграции покоробило ее. И вот произошло то, чего и надо было ожидать: ресторан «Корчма» закрылся (это было очень маленькое заведение) из-за отсутствия дохода, и королева цыганского пения стало совсем не на что жить и надо было подумать просто о куске хлеба. Дошло до того, что великая Настя Полякова стала искать хоть какую-нибудь работу по объявлениям в газете. Одна русская дама хотела иметь женщину для домашних услуг, и Настя пошла по

все хуже и хуже. И вот наконец католическая больница, последнее пристанище Насти. Когда Маруся пришла навестить свою бывшую коллегу, то увидела у кровати тумбочку с огромным букетом роз. Цветы были от того же г-на Фишера. «Поздно... все поздно...» — тихо сказала она. Певице было очень плохо, она страдала от пролежней. Маруся обтерла ее лекарствами, посидела у кровати. А через час после того, как Маруся пришла домой, ей позвонили и сообщили, что королева цыганского пения русской сцены знаменитая Настя Полякова скончалась.

Скончалась от острой уремии. Она просила гроб не открывать, но хозяин «Корчмы» П.Немиров все же открыл...

На следующий день в нью-йоркской газете «Новое русское слово» появилось сообщение:

«Во вторник в Свято-Покровском соборе на 2-й улице состоялось отпевание Насти Поляковой».

Чин отпевания совершил специально приехавший для этого из Св.Тихоновского монастыря епископ Никон, лично знавший покойную. Епископу Никону сослужили протоиерей Иосиф Стефанко и игумен Иона. Прекрасно пел мужской квартет. В церкви собрались самые близкие друзья артистки. Среди них было четыре человека, особенно заботившиеся о Насте Поляковой во время ее болезни и принявшие на себя заботы по погребению: владельцы «Корчмы» Немировы, Маруся Сава и друг покойной, прилетевший из Чикаго на похороны, Карл Фишер.

После отпевания гроб с телом покойной был перевезен на кладбище в Пассейк, в Нью-Джерси, и там предан земле».

Так закончила свою жизнь легендарная Настя Полякова, знаменитая цыганская певица давно прошедших дней.

Если вы спросите сейчас рядового россиянина среднего возраста, говорит ли ему что-либо это имя, он вряд ли ответит положительно. Настя Полякова была эмигранткой, а о людях ее судьбы, как бы ни были значительны их имена, еще недавно и не вспоминали. О них нигде не упоминали, не писали, будто они вообще никогда не существовали. И только сейчас, в конце века, полились в Россию сведения о живших за рубежом, безвестных на родине выдающихся творцах искусства России. Настало время рассказать и о русской эстраде и возродить имя Насти Поляковой, «Шалаяпина в юбке», чье пение, наполненное великой таинственной силой роковой скорби, — незабываемая страница русской музыкальной сцены.

Вашингтон

* Так русские эмигранты называли Советский Союз.

** Из этой же семьи Поляковых и знаменитая уже в советское время в Москве Ляля Черная, артистка Театра «Ромэн».

Алла Кторова (Виктория Ивановна Кочурова) — русская писательница, автор многих книг прозы и эссеистики. Последние годы собирает и публикует материалы о культуре и быте «русского рассеяния». Живет в Вашингтоне.